ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ
проф. С. Н. Прокоповича
при культурно-просветительном отделе «Земгора».

С. Прокопович

Об экономических основах национального вопроса

Отдельный оттиск

из Русского Экономического Сборника

ПРАГА
1927 г.

Типография „Legiografie", Praha-Vršovice, Sámova ul. 665.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА.

I.

В современной публицистической литературе по национальному вопросу установился обычай ограничиваться наблюдением и анализом борьбы мелких или отсталых национальностей за их национальное освобождение. Психологически такое ограничение вполне понятно, потому что только эта борьба способна вызывать острые эмоции. Внимание политиков естественно притягивается этими яркими явлениями. Но для понимания национального вопроса это ограничение могло дать только отрицательные результаты. Национальная борьба господствующих, передовых наций при научном подходе к делу не может быть скидываема со счетов, как неинтересная. Если одни нации победили в национальной борьбе, а другие были побеждены, и теперь вновь начинают борьбу за свое национальное бытие, то в обоих случаях мы имеем дело с явлениями одного порядка, одинаково подлежащими изучению. Да и в практическом отношении угнетенные, стремящиеся к свободе национальности могут, быть может, многому научиться у своих ушедших вперед сестер.

Развитие национальных движений началось в Европе в широком масштабе с революции 1848 г. Как показала мировая война 1914—1918 гг., напряженность национальных энергий и борьбы достигла в начале XX века небывалой высоты. После войны, положение вещей стало еще хуже. Колоссальный экономический рост Соед. Штатов С. А., потеря рынков Европой, ее обнищание и рост безработицы, — все эти экономические моменты фатально приводят к чрезвычайному обострению национальной борьбы. Пробуждение азиатских народов к национальной жизни еще больше обостряет положение.

Такова политическая обстановка, в которой нам, русским, придется строить наше народное хозяйство и наше национальное государство. Разрешение стоящих перед нами задач осложняется еще тем, что в до-деволюционной России, по подсчетам этнографов, жило 311 национальностей. В октябрьской рево-

люции национальные движения сыграли очень крупную роль, разлагая армию на фронте и подтачивая власть Временного Правительства в тылу. Очевидно, как бы ни называлась власть, которая будет управлять русским государством, и как бы ни называлось само это государство, национальные вопросы и движения будут играть в его судьбе очень значительную, быть может, решающую роль. Быть может, и процесс расчленения России еще не закончен.

Установим прежде всего, в чем заключаются цели и задачи современных национальных движений. В них мы имеем дело с тремя основными требованиями. Первое требование состоит в установлении права пользования родным языком в общественной жизни, школе, суде и т. д. Умственное развитие ребенка идет значительно быстрее, если преподавание в низшей школе ведется на родном ему языке. Этот вопрос был прекрасно выяснен известным педагогом К. Д. Ушинским уже более 50 лет тому назад[1]). Бесспорно, в народной школе преподавание должно вестись на материнском языке ребенка. Да и в школе следующей ступени этот язык должен играть большую, если и не доминирующую роль. Но не исключительно этими педагогическими соображениями решается вопрос о языке. Рядом с родным селом есть уездный город, а за ним — губернский город и вся Россия. Пока житель села не выходит за его околицу, пока он, как устрица в своей раковине, всю жизнь остается привязанным к принадлежащему ему клочку земли, другой язык, кроме украинского, ему не нужен. Но как только влияние современной экономической и культурной жизни проникнет в это село, и его жители почувствуют нужду в передвижениях, в участии в торговле и промышленности, положение вещей радикально меняется, ибо уже в ближайшем городе господствует русская речь, знать которую и нужно, и полезно. Таким образом, вопрос о языке решается не одними лишь педагогическими соображениями. Не нужно забывать, что государственный язык, если на нем говорит 100 миллионов человек, является крупнейшим орудием экономического, общественного и духовного прогресса.

И чем шире он распространен, тем богаче издающаяся на нем литература, тем легче появление на нем специальных работ, двигающих вперед науку, технику, искусство. Как правильно указывает О. Бауэр, «при прочих равных условиях, увеличение числа членов нации повышает производительность национальной культурной работы. Экономические условия работы ученого и художника, творящего для народа в 80 мил-

[1]) К. Ушинский, Педагогическая поездка по Швейцарии, в Собрании педагогических сочинений, изд. 1875 г., стр. 379.

лионов человек, глубоко отличны от условий работы его коллеги, который обращается к народу лишь в 6 миллионов душ. Чем больше нация, тем легче и совершеннее может она организовать свое школьное дело, начиная с народной школы и кончая высшими учебными заведениями, так же как и все остальные культурные учреждения, свои театры, академии, музеи. Чем значительнее по своим размерам национальная научная работа, тем дальше может итти специализация и разделение труда в науке, тем больше вероятности, что каждая ветвь духовной культуры найдет людей, которые будут содействовать ее росту и развитию»[2]).

Далее Бауэр пытается доказать, что малые размеры нации могут быть компенсированы ростом культуры населения.

К сожалению мы не имеем измерителя высоты культуры разных наций в одно время или одной нации в разные периоды времени. Быть может, однако, суррогатом такого измерителя может служить таблица, составленная двумя немцами, Л. Дармштедтером и Р. ди Буа Реймоном. Они сделали оригинальную попытку дать общий обзор всех открытий в области точных наук и всех изобретений в области техники в форме простого перечисления[3]). В эту неизбежно неполную сводку вошло следующее число лиц, сделавших научные открытия и технические изобретения за последние 6 веков[4]):

	Арабы	Италия	Германия и Австрия	Англия	Франция	С. Ш. С. А.	Скандинавия	Швейцария	Голландия	Россия	Испания	Бельгия	Португалия	Всего
XIV в..	2	5	5	—	2	—	—	—	—	—	1	—	—	15
XV „..	1	15	13	3	1	—	—	—	—	—	6	—	—	39
XVI „..	—	47	49	12	14	—	1	5	5	1	19	—	—	153
XVII „..	—	26	52	49	50	—	7	4	21	2	2	—	—	213
XVIII „..	—	16	122	163	137	9	23	18	16	5	4	—	—	514
XIX „..	—	46	818	448	384	132	59	41	16	35	3	23	3	2008
Всего..	3	155	1059	675	588	141	90	68	58	43	35	23	3	2942

Так как составители таблицы пользовались по преимуществу немецкими источниками, то число ученых и изобретате-

---

[2]) O. Bauer, Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie, изд. 2-е, 1924, стр. 347; ср. A. Meillet, Les langues dans l'Europe Nouvelle, 1918, p. 259.

[3]) L. Darmstädter und R. du Bois-Reymond. 4000 Jahre Pionier-Arbeit in den exacten Wissenschaften, 1904.

[4]) A. du Bois-Reymond. Erfindung und Erfinder, 1906, SS. 216—222.

лей, приходящееся на Германию, очевидно является преувеличенным. Такая же сводка по английским или французским источникам дала бы значительно иное распределение открытий и изобретений по национальностям. Затем, данные за последнюю четверть XIX в. явно ненадежны. В сводке неизбежно должны быть пропущены многие ценные работы, еще не оцененные по достоинству, и оказались включенными такие открытия и изобретения, которые не заслуживают этого упоминания по своей незначительности. В этой области правильная оценка веса и значения произведенной работы возможна только спустя несколько лет, иногда — десятков лет после опубликования ее результатов.

Тем не менее, несмотря на эти неизбежные недостатки сводки, полученные цифры в высшей степени показательны. Культурная работа арабов, занимавших первое место в 700—1200 гг., в XIV и XV вв. замирает. На первое место выдвигаются Италия и Испания, творческая деятельность которых достигает максимума в XVI в., затем замирает, чтобы возродиться в Италии в XIX в. С XVII в. на первое место выдвигается триумвират Германии, Англии и Франции, до сих пор сохраняющий свою гегемонию. Соединенные Штаты С. А. только начинают свою творческую работу. Россия по числу научных открытий и технических изобретений занимает одно из последних мест.

Прикинем, сколько открытий и изобретений в XIX в. пришлось на каждый миллион жителей в отдельных государствах. Величину населения каждого государства мы принимаем равной полусумме его населения в (вернее, около) 1800 и 1900 гг. Все страны естественно делятся на 3 группы со след. индексами:

Англия	15,6	Скандинавия ..	7,8	Португалия	0,2
Франция	10,6	Бельгия	6,3	Евр. Россия.....	0,5
Герм. и Австрия	10,4	Голландия	4,4	Испания	0,7
Швейцария.....	15,8	Соед. Штаты ..	3,2		
		Италия.....	2,1		

Швейцария пользуется всеми преимуществами больших наций, ибо ее господствующими языками являются немецкий и французский. Отчасти это преимущество принадлежит и Бельгии, которая, однако, существует только с 1830 г. Принимая все это во внимание, мы найдем, что старые культурные страны с широко распространенными языками дают больше творящих сил на единицу населения, чем старые культурные страны малого размера. Еще меньше культурные силы больших, но отсталых стран. У отсталых и малых наций их слабые научные силы уходят на усвоение творческой работы передовых стран и ее популяризацию; на собственную же творческую работу сил у них не остается.

Таким образом, и широко-распространенные языки имеют свою культурную ценность, и не малую.

Второе требование заключается в признании за каждою национальностью права на самостоятельное национальное государство. Это требование получило всеобщее признание в 1848 г., когда во главе национального движения шла Италия, под руководством Мадзини и Гарибальди; идеологом движения был Мадзини. Как он сам, так и созданные им в 1830-х гг. организации «Молодой Италии» и «Молодой Европы» (в которой, кроме итальянцев, участвовали еще французы, немцы и поляки) считали, что каждая нация и национальность имеет право на политическое самоопределение, на образование самостоятельного государства; все государства Европы, после их переустройства на этнической основе, должны быть объединены в федеративный союз. В Италии национальное движение, возглавляемое Мадзини, носило государственный и объединяющий характер; такой же характер имели национальные движения в Германии и Польше. Во всех этих странах носителями национального движения были не этнические национальности, а государственные нации с богатым историческим прошлым и несчастною политическою современностью. На этой почве идеи Мадзини имели крупнейшее положительное значение. Но та абсолютная форма, в которой они были выражены, привела к тому, что идея политического самоопределения была распространена и на этнические национальности без исторического прошлого и государственного воспитания. В этой среде идеи Мадзини должны были иметь, в большинстве случаев, не объединяющее, а разлагающее влияние. В самой Италии их последовательное применение привело бы к разложению единой Италии, так как наречие, на котором говорит неаполитанец, непонятно жителю Флоренции или Турина. Известный государствовед Блюнчли след. образом формулировал основные идеи этого движения: «Национальность является сначала формою культурного сообщества, а не государственного. Но когда она живо осознает связующую ее членов общность нравов и языка, духа и характера, тогда возникает мысль и желание развить это сообщество до высшей формы коллективной индивидуальности, при которой оно могло бы иметь общую волю, обладающую реальной силой, — чтобы национальность определяла государство или стала государством... В своей абсолютной формулировке принцип национальности гласит: каждая национальность призвана образовать отдельное государство и в праве это сделать... Подобно тому, как человечество делится на отдельные национальности, так же и мир должен быть разделен на такое же число государств. Каждая национальность одно государ-

ство. Каждое государство одно национальное образование»[5]). Сам Блюнчли к этой концепции национального государства относится отрицательно. Он указывает, что на образование и развитие государства влияют многие моменты, и что национальность является только одним из них[6]). Поэтому, основою государственного строительства он считает не нацию, а общество. Напротив, А. Градовский, взявший формулировку национального принципа у Блюнчли, считает этот принцип правильным. «Народность, по его мнению, есть нормальное, естественное основание государства; назначение государства ближайшим образом определяется всесторонними целями народной культуры; следовательно, государство, в тесном смысле, есть не что иное, как политико-юридическая форма народности». Поэтому, «каждая народность, т. е. совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого, имеет право образовать особую политическую единицу, т. е. особое государство»[7]).

Дальнейшее развитие идея национального максимализма в русской политической литературе получила у М. Грушевского. Только право каждой национальности на обособление в самостоятельное государство, о котором говорит Градовский, он, как практический политик, заменил более мягким требованием территориально-национальной автономии, которая, как показал опыт Австро-Венгрии, фатально приводит при первом же политическом кризисе к распаду многоязычного государства на составные национальные части. Территориально-национальную автономию должны получить, по мнению проф. Грушевского, решительно все народности, населяющие Россию, ибо нет «никаких разумных и справедливых оснований делать выбор между народностями, требовать от них какой-либо культурной или исторической метрики... Национальные равноправность и автономность — это не награда за прилежание и успехи, а средство культурного и общественного развития, залог дальнейших успехов. Требовать прав развития лишь для культурно-созревших — значит выворачивать на изнанку этот вопрос... Только организация самоуправления на основе национальной, в национальных территориях, может устранить или свести до наименьших размеров национальные трения, сделав национальность тем, чем она должна быть, основанием, почвою для экономического, политического и культурного развития»[8]).

[5]) Bluntschli, Die nationale Staatenbildung und der moderne deutsche Staat, 1870, S.S. 22—23.

[6]) Ibid., S.S. 27, 29.

[7]) А. Градовский, Национальный вопрос в истории и литературе, 1873, стр. 10, 13—14.

[8]) М. Грушевский, Освобождение России и украинский вопрос, СПБ. 1907, стр. 75, 84, 123—4.

Национальные деятели, выдвигающие это требование, исходят из факта наличия в их стране национального вопроса и национального движения, и строят планы максимального удовлетворения национальных требований, считая каждую национальность в ее бытии и обособлении неизменной величиной, принципиально равноправной всем другим национальностям, независимо от достигнутого ею уровня политического, экономического и культурного развития, и имеющей одинаковое с другими право на национальное самоопределение, вплоть до образования отдельного государства. Таким образом, они считают национальность основою общественной жизни и исторического процесса; при этом они забывают, что из великих европейских наций ни одна не существовала тысячу лет назад; они игнорируют как процесс перерождения наций под влиянием экономических и политических моментов, так и историческое развитие содержания, объема и форм выражения национальных энергий и национальной идеи. Эта националистическая философия истории видит в этнической национальности единственную и достаточную основу всей общественной жизни, в том числе и государства. Не трудно показать, что эта узкая и односторонняя концепция совершенно не отвечает действительности; как правильно заметил Шпрингер, «так как национальный интерес есть только один коллективный интерес, наряду с экономическим, социальным, политическим, государство же является универсальной совокупностью интересов, то понятие «нация» (Шпрингер имеет в виду этническую национальность, С. П.) ни по содержанию, ни по объему не покрывается понятием «государство»[9]). Кроме того, само государство представляет собою политическое образование, появляющееся лишь на высших ступенях культурного развития; национальности, не достигшие этого развития, не имеют материальных и духовных сил для образования государства. Затем, до распада военных империй востока и юго-востока Европы, Турции, Австро-Венгрии и царской России, национальных государств в смысле Градовского и г. Грушевского вообще не существовало. За очень немногими исключениями, все государства западной и центральной Европы сложились из нескольких этнографических национальностей, слившихся в одно целое за последние 5—6 веков. Возможно также, что образование архипелага мелких национальных государств на берегу Балтийского моря, территории Австро-Венгрии и Балканском полуострове является лишь переходной ступенью к какому-то другому политическому укладу, так как некоторые из этих государств в их современном виде,

[9]) Р. Шпрингер, Национальная проблема (борьба национальностей в Австрии), 1919, стр. 38.

повидимому, не обладают жизнеспособностью. Но этот путь разрешения национального вопроса, путь национального примирения и органического слияния этнических национальностей в государственную нацию, совершенно не учитывается Градовским и г. Грушевским. Наконец, нужно учитывать и практические результаты провозглашаемых учений. По географически-статистическим таблицам Гюбнера, в 1925 г. существовало всего 68 независимых государств. Осуществление идеи политического самоопределения национальностей требует распада этих 68 государств на несколько тысяч самостоятельных политических единиц. В России, по переписи 1897 г., было более 150 национальностей, а по более поздним подсчетам русских этнографов (А. Н. Максимов) — 311. Поэтому Россия должна, по требованию М. Грушевского, распасться на 300 территориально-национальных автономных областей, говорящих на своих национальных языках. Г. Грушевскому не приходит в голову простое соображение, что при таком вавилонском столпотворении Россия станет непроезжей и каждая национальность должна будет в своей хозяйственной и культурной деятельности ограничиваться пределами своей национальной территории. В конце концов, это внутреннее разложение государства неизбежно должно привести к внешнему его распаду.

Третьим требованием националистов является федерация национальных государств. Федерация эта мыслится ими в форме союзного государства, центральная власть которого управляет главным образом внешними отношениями страны, а поскольку вмешивается в минимальных размерах в ее внутренние дела, то делает это через посредство местных властей. Опыт однако показал, что подобная организация федерации является совершенно неудовлетворительной, и современные федеративные государства, Соединенные Штаты Сев. Америки и Швейцария, организованы на совершенно иных основаниях. Токвиль, в своем известном описании «Демократии в Америке» указал, что принципы американской федерациии глубоко отличны от строения всех федераций, известных в истории. Он считает это нововведение «большим открытием в политической науке». «Во всех федерациях, говорит он, предшествовавших американской федерации 1789 г., заключавшие союз народы соглашались подчиняться приказам федерального правительства, но сохраняли за собою право распоряжаться на своих территориях приведением в исполнение законов союза и его контролировать. Американские государства, заключившие союз в 1789 г., согласились не только на то, чтобы федеральное правительство предписывало им законы, но и на то, чтобы оно само распоряжалось приведением в исполнение своих законодательных постановлений. В обоих случаях право одно и то же, различно лишь приведе-

ние его в исполнение. Но это различие приводит к колоссальным следствиям. Во всех федерациях, предшествовавших современному нам американскому союзу, федеральное правительство, чтобы достигнуть своих целей, должно было обращаться к местным правительствам. Если предписанная мера не нравилась одному из них, это последнее всегда могло уклониться от подчинения... В Америке Союз управляет не государствами, а гражданами. Когда он хочет ввести новый налог, он обращается не к правительству Массачусеттса, а к каждому жителю Массачусеттса. Прежние федеральные правительства имели дело с народами, правительство американской федерации имеет дело с индивидуумами. Оно не пользуется чужой силой, а черпает ее в себе. Оно имеет своих собственных администраторов, свои суды, свою армию»[10]).

Дальнейшее развитие эта мысль получила у Дж. Ст. Милля, в его книге о «Представительном правлении». По мнению Милля, существует два различных способа организации федеративного союза. Федеративная власть может представлять только правительства, и ее распоряжения могут быть обязательными только для правительств как таковых; или же федеральная власть может иметь право издавать и распоряжения, обязательные непосредственно для индивидуальных граждан. По первому типу организована так наз. Германская Конфедерация (монография Милля написана в 1860 г., до образования Германской Империи, С. П.), и Швейцария до 1847 г. Такого же рода организация существовала в течение нескольких лет в Соед. Штатах С. А. непосредственно после войны за освобождение. Ко второму типу должна быть отнесена нынешняя конституция Соед. Штатов, и принятая за последние 12 лет Швейцарским Союзом. Федеральный конгресс Американского Союза является существенною частью правительства каждого отдельного Штата. В пределах своих полномочий он издает законы, которым повинуется каждый гражданин индивидуально, и проводит их в жизнь через своих чиновников и свои суды. Таков единственный принцип, до сих пор найденный, на котором можно построить действительное федеративное правительство. Союз между одними правительствами представляет собою попросту союз между самостоятельными государствами, подпадающий под действие всех тех случайностей, которые делают все подобные союзы мало надежными. Если бы распоряжения президента и конгресса были обязательны только для правительства Нью-Йорка, Виргинии или Пенсильвании, и могли бы быть приведены в исполнение только по приказам, изданным

[10]) A. de Tocqueville, De la démocratie en Amérique, tome 11, 4-me ed., Bruxelles 1837, pp. 2—4.

этими правительствами и обращенным к чиновникам, ими назначенными, и под условием ответственности перед судами, ими же организованными, ни одно распоряжение федеративного правительства, которое было бы неприятно местному большинству, не было бы приведено в исполнение»[11]). Такое изменение строения федеративной власти чрезвычайно благоприятствует расширению и углублению ее компетенции. Как замечает Фримэн, написавший специальную монографию о федерациях древних греков, федеральное правление представляет собою «по существу компромисс между двумя противоположными политическими системами. Его различные формы занимают все пространство между двумя очень отдаленными друг от друга пределами... Название федерального правления, в этом широком смысле, может быть дано всякому союзу, в котором мера объединения его членов превосходит ту, которую мы находим в простом союзе, как бы он ни был тесен, и степень независимости его членов выше той, которая честно может быть подведена под понятие местного самоуправления»[12]).

При таком крайнем разнообразии федеративных форм, требование федеративного устройства совершенно теряет необходимую определенность содержания. Для Мадзини федерация была принципом, и он знал, какого государственного устройства он требовал. В настоящее время, когда вскрыт компромиссный характер федеративного устройства, требование федерации, без определения пределов компетенции федеративной власти, представляет собою провозглашение формулы, лишенной содержания. В одной федерации компетенция федеративной власти ничтожна, и она приближается по своему строению к союзу государств; в другой она почти всеобъемлюща, и за местными властями сохранена компетенция, немногим превышающая компетенцию органов местного самоуправления. Какой же практический смысл имеет требование федерации, если и то, и другое государственное устройство одинаково является федеративным?

Для развития производительных сил страны необходимо единообразие норм промышленного и торгового права на всем ее протяжении. В одной федерации гражданское право может быть отнесено к компетенции федеративной власти, и экономическая потребность в единстве гражданского кодекса будет удовлетворена, в другой федерации — к компетенции местных властей, и развитие производительных сил страны вследствие противоречий в гражданских законах станет невозможным. Какой же смысл заключается в требовании федерации, если одновременно не указывается компетенция федеральных и местных

[11]) J. St. Mill, Representative Government, ch. XVII.
[12]) E. Freeman, History of Federal Government, 2-d ed., 1893, pp. 1—3.

властей? Федеративное начало, которому националисты приписывают принципиальное значение, является на самом деле переходною ступенью или от союза государств к единому государству, или от единого государства к союзу многих, а затем и полному их отделению. Большого внимания заслуживает след. замечание Фримэна, большого знатока федеративного устройства: «Федерализм представляет собою форму правления, возникающую лишь при известных специальных условиях, и его самые горячие сторонники вряд ли могут желать его всеобщего распространения при всяких условиях... Федеративный союз, чтобы иметь положительную ценность, должен возникнуть при установлении более тесных связей между государственными образованиями, которые раньше были совершенно раздельными, а не при расхождении членов, между которыми прежде существовала более тесная связь»[13]). Что же касается значения национального момента в деле федеративного устройства, то его роль, если национальный принцип соединен с отрицанием единого государственного языка, может быть только разлагающей единое государство на составные части. Но, как мы знаем, в Соед. Штатах общеобязательным языком является английский. В Швейцарии полноправны два языка, немецкий и французский; итальянский язык имее на практике неполные права, ретийский — никаких. Положение Швейцарии в системе международных отношений Европы настолько исключительно, что ее государственное устройство не может считаться показательным. Таким образом, практика современных федеративных государств вовсе не построена на принципе, что национальность является нормальной и единственной основой каждого союзного государства или территориально-национальной автономной области.

Этот краткий разбор основных националистических требований показывает нам, что в современном национальном движении и его идеологии существуют внутренние невязки и противоречия. Чтобы вскрыть причины этих противоречий, мы должны ближе познакомиться с природою нации и ее историческим развитием.

II.

Итак, максималистский подход к национальной проблеме нас не удовлетворяет. Главными его недостатками являются нежелание учитывать экономическую и политическую обстановку, в которой приходится решать тот или другой национальный вопрос, и полное игнорирование моментов исторического

[13]) Ibid., p. 70.

развития. Поэтому мы должны искать другого к ней подхода. Как проблема социологического порядка, национальная проблема требует к себе прежде всего исторического подхода. Национальные движения, преследующие цели национального государственного строительства, не могут быть поняты вне породившей их исторической, политической и экономической обстановки. Прежде, чем искать способов разрешения подымаемых ими вопросов, нужно найти основные закономерности их возникновения и развития, их содержания, объема и форм проявления.

Договоримся прежде всего, что мы понимаем под словами племя, нация, национальность, народ, народность. Мы знаем, что все эти слова означают совокупность физически и духовно схожих между собою лиц, которые в силу сходности своей природы склонны к сходным восприятиям, сходным эмоциям и сходным действиям, а также совместным действиям в защиту интересов их совокупности.

Но этого общего представления о национальности и нации нам недостаточно. Мы не будем приводить различных определений этих понятий. Исключение мы сделаем лишь для определения известного консервативного писателя Ж. де Местра, который дал след. определение нации: это монарх и аристократия[11]). Оно очень характерно для этого писателя, и показывает вместе с тем, какое различное содержание вкладывают люди различных направлений в понятие национальности.

Поэтому, гораздо практичнее остановиться на чаще всего указываемых признаках национальности. Их сравнительно немного: общность происхождения или расы, языка, нравов и обычаев, религии, государственного устройства, исторического прошлого, национальной апперцепции, национального характера, национального сознания и воли к национальному единству. К сожалению, некоторые из этих признаков страдают большой неопределенностью и трудно-уловимы. Затем, всей совокупностью их не обладает ни одна нация. Что касается общности происхождения, или расы, то вообще мы должны признать, что чистых рас нет. Антропологи установили, что все решительно европейские национальности представляют собою продукт скрещения нескольких рас. Поэтому, расовых или биологических признаков национальности установить мы не можем; национальность является понятием не биологического, а социально-исторического порядка. Крупнейшее значение для национальности имеет общность языка. Но, как указал уже Лепсиус, «народности и языки по их происхождению и взаимной принадлежности никоим образом и нигде не покрывают

[11]) J. de Maistre, Lettres, t. I, 1851, p. 404.

друг друга... Распространение и смешение народов идет своим путем, а распространение и смешение языков хотя и находится под его влиянием, идет часто своим путем, совершенно отличным. Языки представляют собою наиболее индивидуальный продукт жизни народов и наиболее непосредственное их духовное отображение; однако, они часто отделяются от произведших их народов, распространяются между большими чужими народами и расами, или умирают, в то время как их прежние носители, усвоив себе другие языки, продолжают жить; словом, они ведут более или менее независимое существование, которое может и должно быть, поэтому, изучаемо независимо от этнологического субстрата, с которым они связаны. Чтобы убедиться, что отношение между народом и языком носит описываемый характер, достаточно бросить взгляд на европейские страны, в которых небольшое число больших культурных языков распространилось на большое число народов различного рода и происхождения, утративших свои собственные языки... Для африканских языков характерно, что их запас слов и грамматические формы языка изменяются, совершенно преобразуются и заменяются другими с чрезвычайной легкостью, как скоро племена, на них говорящие, изолируются друг от друга, или в условиях их жизни наступают какие-либо перемены»[15]). На более высоких ступенях культурного развития мы находим большую устойчивость языков. Однако, ученые лингвисты утверждают, что нет почти ни одной национальности, которая в течение истории не переменила бы своего языка, часто несколько раз[16]). Во всех современных государствах встречаются большие расхождения между языком и национальностью. На островах Джерсей и Гернсей живет население, говорящее до сих пор по французски, и тем не менее, оно считает себя не французами, а британцами. Часть населения Эльзаса и Лотарингии, считающих себя французами и протестовавших против их насильственного присоединения к Германии в 1871 г., говорит на немецком языке. Евреи в Германии говорят по-немецки, но немецкие националисты вряд ли согласятся причислить их к немецкой национальности. Сербы и хорваты говорят на одном языке, но их разделяет религия, православная у одних, католическая у других, и пользование разными алфавитами (латинским и кириллицей). Во время образования Бельгийского государства в 1830 г., фламандцы, под влиянием католическаго духовенства, отделились от голландцев, несмотря на общность языка, только из-за различия религий. В Германии, однако,

---

[15]) R. Lepsius, Nubische Grammatik, 1880, SS. II—III, XIX; ср. Max Müller, Die Wissenschaft der Sprache, 1892, t. I; S. 434—5.

[16]) A. Meillet, Les langues dans l'Europe nouvelle, 1918, p. 92.

различие религий не мешает единству национальности: немец-католик и немец-протестант считают себя членами одной нации. Общность языка не создает одну нацию из жителей Англии, Соединенных Штатов С. А. и Австралии. Вся Южная и Центральная Америка, включая Мексику, за исключением одной Бразилии говорит на испанском языке; это одноязычное население образовало 17 государств, часто воюющих друг с другом, и делится на столько же наций. Следовательно, разноязычие не исключает принадлежность к одной нации, а общность языка — принадлежность к разным нациям. Поэтому, язык и национальность отождествлять мы не можем; язык может быть в большинстве случаев внешним признаком или проявлением нации, но ее сущность заключается в чем-то другом.

Религиозный момент только в исключительных случаях является одним из определяющих национальность моментов. Особенно сильно значение религии в еврейской национальности. Но именно у этого народа мы находим совершенно исключительную комбинацию социально-исторических моментов, выдвинувших религию на первое место в жизни нации. Вот напр. что говорит о причинах этой особенности евреев С. Дубнов: «С тех пор, как в еврейской истории, вследствие великой политической катастрофы, от понятия «национальности» отпали признаки государственности и территориальности, это понятие срослось с признаком вероисповедания. В течение средних веков, нового и большей части новейшего времени, национальное в «еврее» совершенно сливалось с религиозным. Слово «еврей» означало лицо иудейского исповедания и относились к той же категории понятий, как: христиане, мусульмане, буддисты, католики, протестанты и т. д. Но группа «христиан», например, или подгруппа «католиков» вмещали в себе различные племена и национальности, и всем здесь было ясно различие национального и религиозного признаков; в еврейской же религиозной группе всегда фигурировала только одна нация — того же имени, и поэтому здесь «национальность» и «вероисповедание» совершенно слились и отождествились, причем более яркий с внешней стороны религиозный признак покрыл собою внутреннюю национальную подкладку еврейского бытия»[17]). Г. Дубнов забыл еще об одном моменте, еще более усилившем национальное значение иудейской религии: мы имеем в виду утрату евреями национального языка. Отсутствие общего языка еще более усилило национальное значение общей религии.

Таким образом, было бы неправильно сопричислять религию к основным признакам национальности. Значение языка

[17]) Формы национального движения в современных государствах, под ред. А. И. Кастелянского, С. Петербург, 1910, стр. 399.

несравненно крупнее значения религии. Затем, выдающееся значение имеет влияние государства. Рядом с национальностями этническими, связанными только племенным родством, общностью языка, религии и нравов, существуют «сверхнациональности», как их называет Р. Мюир[18]), нации или народы государственные, связанные общностью государственного устройства и исторического прошлого. Все исторические нации сложились из нескольких национальностей. Этнические национальности, как показывает пример Рима, соединенные в одно государство, ассимилируются, становятся одною нацией. Как рассказывает Р. Михельс, «идея государства возникла первоначально в Англии, Франции и Испании. Государства эти заключали в себе по нескольку народностей, различавшихся нравами и обычаями, правами и налогами, живших рядом, но как чужие. Но государство... действовало как объединяющее начало. Можно сказать, что государство, при условии наличия известной степени племенной однородности населяющих его национальностей, создало нацию. Государственное единство создает нацию»[19]). В Великобритании, кроме англичан, живут шотландцы, валлийцы, ирландцы. Но мы не слыхали о сепаратистском движении в Шотландии и Уэльсе. Во Франции мы находим жителей Прованса, Бретани, басков. Имя Франции когда-то вызывало проклятия в Провансе и Бретани. Но разве в настоящее время в них существует стремление отделиться от Франции? Историческое прошлое, экономические и политические интересы спаяли разнородные этнические элементы этих государств в одно целое, сделали их равноправными участниками в общем государственном деле. В Великобритании не могли быть ассимилированы лишь ирландцы, которые и в прошлом были в ней чужеродным элементом, механически, а не органически включенным в английское народное хозяйство и государство. Как говорит Э. Ренан в своей брошюре по национальному вопросу, нацию определяет не употребление единого языка или принадлежность к одной этнической группе, а богатое историческое прошлое и воля к совместной жизни в будущем. «Один из этих моментов состоит во владении богатым наследством воспоминаний; другой есть согласие, желание жить вместе, воля продолжать далее совместно управлять общим наследством, полученным от предков... Нация, как и личность, представляет собою результат длинного ряда усилий и жертв. Культ предков является наиболее законным из всех культов; предки сделали нас такими, каковы мы в настоящее время. Героическое

[18]) Ramsay Muir, Nationalisme et internationalisme, 1918, p. 65.

[19]) R. Michels, Zur historischen Analyse des Patriotismus, Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Band 36, 1913, S. 16—17; ср. Bluntschli, Die nationale Staatenbildung und der moderne deutsche Staat, 1870, S. 13.

прошлое, великие люди, слава (я говорю о настоящей славе), вот социальный капитал, на котором основывается национальная идея. Совместное участие в славных деяниях прошлого, желание вместе участвовать в них в будущем, общая воля в настоящем; вот существенные условия для бытия народа... Нация предполагает прошлое; в настоящем она определяется осязаемым фактом: ясно выраженным желанием продолжать общую жизнь. Существование нации представляет собою непрерывный плебисцит»[20]).

Быть может, это сказано слишком красиво. Но мысль Ренана ясна и верна. Отто Бауэр дает нам другой рисунок процесса происхождения объединенных наций из нескольких этнических племен. «Характер людей, говорит Бауэр, определяется их испытаниями; национальный характер всегда представляет собою продукт истории нации. Условия, при которых люди производят средства своего существования и распределяют между собою продукт своего труда, определяют исторические судьбы каждого народа; на основе определенного способа производства и распределения средств существования складывается также определенная духовная культура. Таким образом, история народа двумя путями влияет на потомков. Во-первых, через формирование, в борьбе за существование, определенных телесных свойств и передачу их потомкам по наследству; во-вторых, через образование определенных культурных благ и их передачу потомкам путем воспитания, нравов и права, путем общения людей между собою. Нация всегда представляет только общность судеб». «Эта действующая сила, историческое в нас, определяет национальное в нас, составляет то, что нас сковывает в одну нацию». «Нация обнаруживается в национальном характере, в национальности индивидуума; а национальность индивидуума есть ничто иное, как одна из сторон его определенности историческим прошлым общества»[21]).

Быть может, мысль Бауэра формулирована слишком по марксистски. Но по существу и у Ренана, и у Бауэра мысль эта одна и та же: нация представляет собою продукт исторического прошлого и воли к совместной жизни в настоящем и будущем; этнические национальности, не имеющие национального прошлого, лишены и национального сознания.

Эти общие исторические переживания нации определяют ее характер, особенности ее способности восприятия, эмоциональной жизни и действенной воли. Как правильно заметил Бауэр, каждая нация воспринимает все явления своей истори-

[20]) E. Renan, Qu'est ce qu'une nation? 1882, p. 26—27.
[21]) Otto Bauer, Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie, изд. 2-е, 1924, S.S. 24, 125, 138.

ческой жизни не пассивно, а активно, апперцепирует их, отбирает и перерабатывает согласно своему характеру. Если два человека с разным духовным содержанием, разными характерами и интересами, будут вместе путешествовать, то, несмотря на то, что вся обстановка их путешествия будет одна и та же, они вынесут из него совершенно различные восприятия и переживания. Их внимание будет направлено на разные вещи; каждый из них будет производить, согласно своему характеру, особый отбор впечатлений и особым образом будет их воспринимать и перерабатывать. То же происходит и с нациями в их жизни. «Подобно тому, как индивидуум никогда не присоединяет новое чисто механически к своему духовному бытию, а поглощает его, духовно переваривает, апперцепирует, так и нации никогда не перенимают новое, но, заимствуя его, в то же время его перерабатывают, приспособляют к своему бытию, изменяют в процессе его восприятия миллионами голов. Вследствие этого в высшей степени важного явления национальной апперцепции, всякая мысль, которую перенимает одна нация от другой, предварительно подвергается ею переработке, приспособлению ко всему ее бытию. Нации никогда не перенимают друг у друга новые направления в поэзии и искусстве, новые философские системы и новые течения общественной воли, не подвергнув их предварительной переработке. Но приспособление этих заимствований к духовной культуре нации означает соединение, слияние этих заимствований со всею историей нации»[22]). Так складывается и развивается национальный характер. Он не является пассивным плодом исторических случайностей; в нем есть не только внутреннее единство, но и наличие активной, творческой реакции на исторические события. Способ исторического действия не менее характерен для нации, чем способ ее восприятия. Быстрота реакции, ее направление и сила, — все эти моменты различны у разных наций. Поэтому, в одних и тех же внешних условиях каждая нация будет действовать по разному. Национальный характер этот не представляет чего-то неизменного; его внутреннее единство и содержание непрерывно изменяется и эволюционирует, под влиянием переживаемых нацией исторических событий.

Таким образом, культурные нации характеризуются также национальным сознанием и волей к национальному единству. Патриотизм ведь заключается в положительной оценке факта национального бытия или в стремлении к его установлению. Как правильно заметил Р. Михельс, чувство патриотизма представляет собою не прирожденное, а приобретенное свойство[23]).

[22]) O. Bauer, l. c. S.S. 107—108.
[23]) Цитир. статья в Archiv für Soz. Wis. und Soz. politik, Bd. 36, S. 413.

Не менее необходима нации и воля жить под одними и теми же законами, и одной и той же администрацией. Известный историк Эд. Мейер видит в этой воле основной признак национальности[24]). Эти социально-психические моменты, в противоположность всем внешним признакам национальности, в роде языка, составляют содержание понятия нации. Где их нет, там нет и национальной жизни. Они неразделимы: без национального сознания нет национальной воли, без национальной воли не может быть и национального сознания, так как оно приобретается только в действии, в борьбе, в принесении жертв национальному делу. Развитое национальное сознание имеют лишь нации с историческим прошлым, но и в них быть может $^{9}/_{10}$ населения равнодушны к своему национальному бытию и не имеют ни национального сознания, ни национальной воли.

Этот краткий обзор характерных черт национальности дает нам не только общее о ней представление, но и позволяет установить одну в высшей степени важную особенность этого понятия — именно, его историческую изменчивость. Изменчивость эта настолько велика, что граничит с отсутствием внутреннего единства. Поэтому, понятие национальности П. Сорокин сравнил с «понятием» овощь в ботанике, «дичь» в зоологии. По его мнению, именем национальности покрывается ряд различных гетерогенных групп, не имеющих между собою ничего общего[25]).

Наш обзор признаков национальности, несмотря на его беглость, приводит нас к другому выводу. Изменчивость признаков социальной группы вполне законна, поскольку она вызывается двумя причинами. Во-первых, закономерными изменениями в жизни самих национальностей: одни из них только еще складываются, другие живут более или менее установившейся нормальной жизнью, третьи находятся в состоянии разложения; точно так же и национальное сознание и национальная энергия у разных наций может достигать различной степени распространенности и напряжения. В этом отношении особенно поучительны приведенные выше замечания С. Дубнова о еврейской национальности, переживающей период упадка и разложения. Второю причиною законной изменчивости признаков являются изменения в строении самого общества в процессе его исторического роста. Особенно глубокое действие на строение национальностей оказало образование капиталистической формы хозяйства и современного государства: государственные нации современной Европы и Америки глубоко отличны от этнических национальностей средних веков.

---

[24]) Ed. Meyer, Kleine Schriften, 1910, S. 40.

[25]) П. Сорокин, Система социологии, т. II, Петроград 1920, стр. 282.

Мы не должны поэтому удивляться тому, что в процессе исторического развития значительно изменяется содержание национальной жизни. Но основные ее признаки, общность языка, нравов и обычаев, исторического прошлого, национального характера, национального сознания и воли к национальному единству остаются неизменными, и мы можем говорить о национальности, как определенном историческом и социологическом явлении, хотя и производного характера. Национальности представляют собою слишком неустойчивые образования, и признаки их слишком изменчивы, слишком податливо реагируют на самые разнообразные влияния и обстоятельства, чтобы мы могли приписывать этому явлению основное, определяющее процесс исторического развития значение. Как правильно заметил Эд. Мейер, «нации в истории вовсе не представляют собою чего-то данного и первичного; напротив, они являются продуктом, притом очень сложным продуктом исторического развития, появляющимся лишь на высших его ступенях. Это показывает беглый взгляд на современную Европу: все нации, в ней в настоящее время существующие, представляют собою очень поздние исторические образования, возникшие под влиянием самых разнообразных, в том числе и очень поверхностных явлений, в роде наследственных разделов и т. п., как, например, испанцы и португальцы. Для возникновения французской и немецкой нации определяющее значение имело то случайное обстоятельство, что род Лотара вымер и с ним исчезло разделявшее их государство. О бесконечно сложных и менее всего «необходимых» или «закономерных» событиях, которые привели в течение столетий к слиянию некоторого числа германских племен в немецкую нацию, и о том, что нидерландцы, напротив, отделились от них, как самостоятельная нация, здесь достаточно только упомянуть. Все эти события носят случайный характер; и тем не менее, ими были созданы современные нации... Поэтому, ошибочно искать в нациях основное единство истории и в их судьбах видеть нормы исторического развития»[26]).

Итак: для нас обязателен исторический подход к национальным вопросам и движениям. Но там, где мы имеем дело с историческим развитием, неизбежно на первое место выдвигается экономический момент. Быть может, роль этого момента формулирована Бауэром слишком по-марксистски, когда он говорит, что «развитие нации отображает историю способа производства и собственности»[27]). Но вот другой теоре-

[26]) Ed. Meyer, Zur Theorie und Methodik der Geschichte, Kleine Schriften, 1910, S.S. 37—38, 41.

[27]) O. Bauer, l. c., S. 137.

тик национального вопроса, Жоаннэ, совершенно свободный от упрека в марксизме. Возражая Ренану, отрицавшему значение экономического момента в национальном вопросе, Жоаннэ говорит, что «следовало бы запретить говорить о национальном вопросе всем тем, кто не прочел хорошего трактата по политической экономии или лично не участвовал во внешней торговле»[28]).

Мы не будем спорить о том, как формулировать роль экономического момента в национальной жизни. Мы будем исходить из факта, что на разных ступенях хозяйственного развития содержание, объем и формы национального бытия и национальной борьбы различны. Мы вовсе не склонны отсюда умозаключать, что все содержание национальной жизни определяется способом производства материальных благ. Но мы в праве сделать другой, менее далеко идущий вывод, что с изменением экономического строения общества не может не измениться и его национальная жизнь.

Попробуем хотя бы наметить характерные черты национальной жизни на разных ступенях экономического роста общества. Для этого мы должны иметь какую-либо схему этого развития. К первой ступени мы естественно должны отнести примитивные племена, живущие рыболовством, охотою, мотыжным земледелием или кочевым скотоводством. Для дальнейшего развития экономической жизни, начиная с распространения плужного земледелия, мы примем схему К. Бюхера[29]):

2) ступень замкнутого домашнего хозяйства,
3) ступень городского хозяйства, при котором продукт непосредственно переходит из рук производителя в руки потребителя, и
4) ступень народного хозяйства, на которой продукт приобретает форму товара, проходящего через несколько рук, и обмен — форму торговли.

Вторую ступень мы можем характеризовать также как систему натурального хозяйства. При ней вся территория покрыта крестьянскими дворами, объединенными в роды, общины или задруги, но не ведущими никакого или почти никакого обмена. На третьей ступени появляются города и городские рынки, крестьяне начинают обменивать свои продукты. Наконец, на четвертой ступени развивается междугородская торговля, складывается национальный рынок; эта четвертая ступень, носящая обычно имя капиталистического хо-

[28]) R. Johannet, Le principe des nationalités, 1918, pp. 292—3.
[29]) K. Bücher, Die Entstehung der Volkswirtschaft, I, 16-te Aufl. 1922, S. 91.

зяйства, начала развиваться в Европе приблизительно с XIV века.

Примитивные племена вряд ли способны в современной международной обстановке к национальному развитию. Они малочисленны, плотность заселения занятых ими территорий ничтожна, большие расстояния между их поселениями приводят к разделению и обособлению племен и наречий. Лишь кочевники скотоводы находятся в этом отношении в привилегированном положении: кочевой образ их жизни позволяет поддерживать общение со всеми частями племени и, при благоприятных условиях, такое племя в прежние века могло вырости в значительную военную силу, способную к завоеваниям. Теперь подобные исторические случайности стали невозможны; скотоводческие племена слишком бедны, чтобы дать современное вооружение своим армиям. Территории, занятые этими примитивными племенами, в руках европейцев и американцев могут производить, в большинстве случаев, после необходимых затрат на мелиорацию, гораздо больше материальных благ, чем в руках живущих на них племен; этот экономический момент предрешает их будущее. Кочевники, если они не перейдут к земледелию, могут быть, повидимому, в будущем только этническим материалом.

Немногим лучше положение племен, перешедших к плужному земледелию, но не доросших до постройки городов и развития городской жизни. Крепость земле неизбежно приводит к образованию местных наречий и распадению племени. Как известно, склонность к розни и междуусобицам всегда была свойственна славянам, — пока они стояли на этой ступени экономического развития. Идея государственного единства в среду этих земледельцев вносилась обыкновенно их покорением пришлым воинственным племенем, большею частью кочевниками-скотоводами. Завоеватели скоро переходили к земледелию, сливаясь с побежденными, и из соединения двух рас возникала новая, смешанная раса, более способная к культурному развитию.

Лишь с развитием городской жизни начинается национальная жизнь. Население городов на территориях, занятых земледельцами, не знающими обмена, является первоначально пришлым, инонациональным. Эти чужестранцы, ремесленники и торговцы, постепенно приучают сельское население к меновому хозяйству. Затем у некоторой части крестьян появляется тяга в город. Так постепенно начинают вселяться в город местные люди, сменившие крестьянский двор на лавку и мастерскую. И лишь тогда, когда число туземцев в городах станет значительным, город может стать средоточием простейших форм национальной жизни племени. Каждое даже мел-

кое земледельческое племя может иметь свой город, который будет служить средоточием его духовной жизни и национальной культуры. В древней Греции, Риме и средневековой Европе именно такова была национальная роль города. Греки и римляне считали отечеством родной город. Итальянцы в средние века говорили о сиенской нации, флорентийской нации, разумея под этими нациями городское население Сиены и Флоренции[30]). В Швейцарии до сих пор жив средневековый кантональный патриотизм.

Но уже в XIV веке начала развиваться междугородская торговля, национальный рынок, первые зачатки капитализма; на смену городскому периоду хозяйственной жизни пришел ее капиталистический период. Капиталистические формы торговли и промышленности также были занесены к отсталым народностям иностранцами, и лишь постепенно усвоили национальный характер. С развитием национального рынка и народного хозяйства была создана материальная основа для современного государства. Одновременно с государством начали складываться и современные политические нации. Этнические национальности должны были уступить место новым, гораздо более мощным национальным образованиям, в основе которых лежит не общность расы и языка, а прежде всего хозяйственный момент, национальное или народное хозяйство. Территория народного хозяйства, как показывает опыт, никогда не совпадает с территорией поселения одного племени. При ее образовании определяющее значение имеет направление путей сообщения, горы и реки, берега морей, сила соседних государств, удачная война и т. д. Под влиянием всех этих моментов территория каждого государства захватывает обыкновенно территории нескольких национальностей вместе с территориями нескольких частей других национальностей. Государство, в интересах развития народного хозяйства, естественно стремится уничтожить национальные перегородки на своей территории, стереть существующие национальные различия, слить все этнические национальности, живущие на его территории. Правда, эта ассимиляция не всегда удается. Англичанам не удалось ассимилировать ирландцев (хотя и говорящих в настоящее время на английском языке), немцам — чехов, поляков и сербов. Тем не менее, каждая современная культурная европейская или американская нация представляет собою конгломерат многих этнических национальностей, слившихся в высшем единстве — современном национальном государстве. В этом смысле Наполеон I говорил, что французы не имеют национальности — этнической.

---

[30]) Fr. Neumann, Volk und Nation, 1888, S. 119.

Очень ярко мысль эта выражена Т. Рузвельтом. Он говорит, что едущие в Соединенные Штаты эмигранты должны стать настоящими американцами. «Мы должны сделать из них американцев во всех отношениях: в языке, в политических взглядах и основных понятиях, в их взглядах на отношения между государством и церковью. Мы приветствуем немца или ирландца, который хочет сделаться американцем, но нам ни к чему чужаки, не желающие отказаться от своей национальности. Нам не нужны немцы-американцы и ирландцы-американцы, которые хотят образовать особый слой в нашей политической и общественной жизни. Нам нужны лишь только — американцы, и когда они станут вполне таковыми, тогда нам будет безразлично, какого они происхождения — немецкого или ирландского... Мы горячие сторонники государственной организации школьного дела. Преподавание должно вестись на английском и никаком другом языке... Эмигрант прежде всего должен научиться говорить, думать и жить по-американски»[31]).

Эта денационализация иммигрантов настолько экономически необходима в Америке, настолько им выгодна, что сами иммигранты против нее не протестуют и добровольно идут на встречу ассимилирующим мероприятиям правительства и общества. Интересно видеть, как реагируют на них немцы, которых нельзя обвинить в недостатке патриотических чувств. Их в Соединенных Штатах Северной Америки, вместе с их прямыми потомками, 15 миллионов человек. Гуго Мюнстерберг рассказывает об их положении следующие интересные вещи:

«В настоящее время в Соединенных Штатах издается около 700 немецких газет и еженедельников; большинство немецких иммигрантов продолжает говорить по-немецки, немецкая школа существует повсюду, многие большие города имеют немецкие театры, лютеранская проповедь ведется на немецком языке, каждая избирательная компания имеет свои немецкие политические собрания, и среди немцев продолжает жить любовь к немецкой песне. Так будет итти еще некоторое время, если даже немецкая иммиграция опять не усилится. Но не может быть никаких сомнений в том, что немецкий язык на американской почве потерял свою внутреннюю производительность; слишком часто он умирает с теми, кто принес его в страну, и слишком скоро он становится для их потомков тем же, чем он является для американцев английского происхождения, — чужим языком, который по разным соображениям можно изучать, но который остается все же чужим. Родители в повседневной жизни еще предпочитают немецкий

[31]) Th. Roosevelt, Amerikanismus, 5-te Aufl., 1903, S.S. 19, 22.

язык, детям уже трудно одинаково пользоваться обоими языками, внуки говорят только по-английски». «Американцы с гордостью указывают на гигантский аппарат американской народной школы, который неуклонно и быстро перемалывает, дробит и истирает в порошок все чужое. Поразительно видеть, как, например, в школах восточной части Нью-Йорка, в которых нет ни одного ребенка, происходящего от американских родителей, и из которых ни один не хочет быть итальянцем или русским, армянином или немцем; все они со страстью считают себя только молодыми американцами, с американским патриотизмом и американской гордостью. И ежедневно мы видим, что во всей совокупности своих учреждений нация располагает подобными же школами для взрослых». «Немец, ставший американским гражданином,... не хочет и не должен образовывать государство в государстве, он хочет и должен быть прежде всего американцем, и все, что вызывает подозрение, что он хочет обособиться и противопоставить общим национальным задачам эгоистические сепаратистские стремления, вредит его развитию и успехам»[32]).

То, что рассказывают Рузвельт и Мюнстерберг, приподнимает перед нами завесу над процессом сложения современных наций. В основе их возникновения лежит не принуждение, а экономический интерес. Образование народного хозяйства на большой территории, населенной несколькими десятками миллионов душ, предъявляет особые требования и к политическому и административному устройству, и к развитию общественных связей и сношений, и к коллективной психологии народных масс. Благодаря всем этим моментам, развитие капиталистического народного хозяйства одновременно с образованием современного государства создает так же политическую нацию, как средневековый город создавал этническую национальность. Центральные рынки страны, главные отрасли ее промышленности играют в этом процессе роль активных деятелей. Строительство нации идет от центра к окраинам, от передовых классов и профессиональных групп капиталистического общества к отсталым массам сельского населения и жителям мелких городов, сохранившим натуральный или городской строй хозяйства. С развитием капитализма появляются, наряду с потребностью в развитии путей сообщения, почты, уничтожения внутренних таможен, единства администрации, торгового и промышленного права, также потребность в едином языке. Литературные языки отличаются от этнических языков или наречий прежде всего богатством слов, соответ-

[32]) H. Münsterberg, Die Amerikaner, 4-te Auflage, 1912, S.S. 33, 37—38, 276.

ствующих богатству современной материальной и духовной жизни, и обладанием словами для обозначения абстрактных понятий. Это — не самобытные, а искусственные языки, созданные национальной интеллигенцией и развивающиеся вместе с ростом национальной культуры. В Италии литературный язык был создан Данте и Петраркой (конец XIII в.), в Англии Виклифом и Чосером (XIV в), во Франции Монтенем (XVI в), в Германии Лютером (XVI в.), в России Карамзиным, Пушкиным и Гоголем (первая половина XIX в.). Развитие национального языка шло в современных государственных нациях одновременно с экономическим, государственным и национальным строительством, от столицы к окраинам, от промышленных и торговых центров к деревне, от интеллигенции к народу. Средствами его распространения были торговля и промышленность, суд и администрация, библия и церковная проповедь, литература и школа. Проникнуть в народную толщу литературный язык мог лишь путем напряженной и длительной борьбы с этническими языками и наречиями. Вот, например, как идет процесс распространения литературного языка во Франции. «В области торговли, банкового дела и промышленности, рассказывает Мелье, крупное предприятие никогда не является чисто местным и редко — областным. Одни и те же финансовые, торговые и промышленные общества производят операции во всей стране и, благодаря своему государственному влиянию, принуждают пользоваться общим языком даже в местных делах, которые могли бы, по своему характеру, вестись на местном или областном наречии. На железных дорогах вся работа ведется на французском языке. В старые времена, когда не существовало крупной промышленности, когда торговцы составляли малочисленную группу населения и в большинстве случаев имели дело только с областными поставщиками товаров и местной клиентелой, торгово-промышленные дела мало способствовали распространению общих языков. Иначе обстоит дело в настоящее время, когда торговля стала необходимым условием жизни, и когда одна фабрика имеет часто больше рабочих, чем было граждан в большинстве городов античной Греции». В результате, «на расстоянии двухсот, четырехсот и даже пятисот километров кругом Парижа местные говоры исчезают... Наречия, чуждые французскому языку, — бретонское, фламандское или провансальское, попросту вытесняются из обращения. И почти повсюду место всех этих провинциальных наречий занимает французский язык, более или менее близкий к литературному языку»[33]).

[33]) A. Meillet, Les langues dans l'Europe nouvelle, 1918, pp. 132, 135.

В этой борьбе литературных языков и этнических наречий государство, с его мерами принудительного порядка, не могло и не может не играть активной роли. Нельзя говорить, что те, кто по условиям своей жизни и работы нуждается в знании государственного языка, научатся ему и без палки. Дело не в том, чтобы представители делового мира современного общества, предприниматели, торговцы, инженеры, технический персонал, бухгалтера, рабочие, научились государственному языку; они ему, конечно, научатся, потому что этого требует их собственный интерес. Все они самым решительным образом заинтересованы как в знании государственного языка, так и в том, чтобы в предприятиях и учреждениях, в которых они работают, употреблялся государственный, а не местный язык. Иначе они были бы лишены необходимой им свободы передвижения. Дело не в них, а в тех носителях отсталых докапиталистических форм хозяйства, которым не нужен государственный язык и которые прячутся за своими местными наречиями, оберегая свои устарелые формы хозяйства. Для преодоления их косности и расчистки путей для проникновения в толщу населения новых хозяйственных начал, необходимо целевое вмешательство государства. Насилие всегда было и долго еще будет повивальною бабкою всякого нового общественного уклада. От того, что члены каждой народности будут знать два языка, один родной, материнский, и другой государственный, обиходный, вреда для них не будет. Да и для отсталого, косного земледельческого населения, не вовлеченного еще в водоворот современной экономической жизни, знание государственного языка может быть только полезным, ибо недалек момент, когда экономическое развитие захватит и его, и если к тому времени оно не будет владеть обиходным языком, его экономическая гибель будет неизбежна.

Прогресс цивилизации принуждает людей, знающих только местный язык, имеющий ограниченное распространение, обучаться также литературному языку с широким распространением. Славяне на берегах Адриатического моря называют свой родной язык языком сердца, итальянский — языком хлеба. Чтобы заработать кусок хлеба в наше время, можно усвоить не только один, а два и три обиходных языка.

Итак, дело государственного и национального строительства — очень сложное дело. Определяющую роль в нем играет момент экономический, ибо только достигнув определенной высоты экономического развития, переросши ступень городского хозяйства и вступивши на путь капитализма, население определенной территории, связанное экономическими сношениями и интересами, может с успехом браться за построение нации и государства. Дальнейшая их судьба также в несрав-

ненно большей степени зависит от экономических моментов, — развития торговли и промышленности, — чем от моментов этнических, имеющих больше отношения к этнографии, чем к социологии и политике.

Пока городское население состит из лиц чужой национальности, к своей национальности принадлежат только крестьяне и сельское духовенство; потом, с развитием школьного дела, к ним присоединяется сельский учитель. На этой ступени развития национальность вся в потенции и сильна только своей косностью; не имея исторического прошлого, она лишена национального сознания, но способна к национальной обороне против пришлых и чуждых ей элементов. Затем, под влиянием экономического и культурного развития сельского населения, начинается завоевание города. Процесс этот, как и большинство экономических процессов, носит не сознательный, не целевой, а чисто стихийный характер. Для ремесленника и торговца, пытающихся устроиться в городе, прежде всего нужна клиентура. Национальное происхожедние становится здесь фактором конкуренции: мы — свои, мы — поляки, вот лозунг, при помощи которого польский лавочник старается одолеть своего конкурента немца. На этой ступени исторического развития язык, вместе с бытом и религией, является основою национальности. Но активным моментом является не язык, а экономическая конкуренция, хватающаяся за язык и религию, как средства в борьбе за существование. Так в борьбе за материальные интересы зарождается идея национальности. При благоприятных условиях, движение приобретает политический характер и приводит к политическому освобождению этнической национальности. Этнический национализм не допускает никаких компромиссов. Такой же характер носит и борьба среди лиц свободных профессий и вопрос о языке правительственных учреждений. Адвокат или врач находит клиентов только среди своих соплеменников. Так складывается агрессивный национализм под руководством лавочников и городской интеллигенции; пока город не будет окончательно завоеван, каждое слово на языке конкурирующей национальности считается чут не изменой. С развитием капиталистических отношений и национального рынка характер национального движения радикально меняется. На первое место выдвигаются оптовый торговец, фабрикант, рабочий, государственный чиновник, национальная интеллигенция. Лишь в рамках государства они могут создать национальный рынок. Процесс его сложения требует борьбы, жертв; так слагается историческое прошлое нации, определяющее ее национальное сознание и волю. И купцу, и фабриканту, и рабочему нужна доступность всей национальной территории, для чего нужен

единый национальный язык, заменяющий местные наречия. Им нужно, в пределах национального государства, не отчуждение от инонациональных соседей, а самое тесное общение вплоть до слияния с ними. Быть может, ярче всего эта разница двух национальных тенденций сказывается на отношении к евреям. На ступени городского хозяйства они были врагами, запертыми в гетто; при развитии капиталистических отношений, они уравниваются не только в правах, но и на деле с прочим населением, становясь англичанами и французами Моисеева закона. Так меняется содержание национальной идеи с развитием экономических отношений. Положение евреев в стране является хорошим показателем уровня экономочиского развития, ею достигнутого.

Такова, с высоты птичьего полета, общая схема развития национальной жизни западно-европейских народов в XIV—XX вв. Вероятно, в Азии пути развития национальностей были иными. Но и в Европе не повсюду процесс шел одним путем. На востоке и юге-востоке Европы хозяевами положения были три военные империи — Австрия, Турция и Россия. В экономическом отношении они сильно отстали от своих западных соседей, и процесс капиталистического развития шел в них или замедленным темпом, или даже отсутствовал. В результате, на территории этих государств не произошло того образования национального хозяйства и слияния этнических национальностей, которое так характерно для Англии, Франции, Германии и Италии. Поэтому, и национальные движения в этих странах в большинстве случаев, за несколькими исключениями, лишь подтверждающих наши общие положения, носили особый характер: они были лишены основы капиталистического хозяйства, часть из них принадлежала к ступени городского хозяйства, другая же часть — ко времени первых шагов развития городского хозяйства. Экономическая отсталость этих военных империй была причиною их поражения в мировой войне. В результате, Австро-Венгрия распалась на отдельные части, от России отошла ее западная полоса. На берегах Балтийского моря, территории Австро-Венгрии и Балканах возник ряд новых, большею частью мелких государств.

Многие практические политики националистического направления считают, что с приобретением этими национальностями политической самостоятельности их национальный вопрос разрешен окончательно. Мы думаем иначе. Конечно, образование национального государства представляет важный и интересный момент в их национальной жизни. При благоприятной международной конъюнктуре можно было образовать независимое государство почти без борьбы и жертв. Но для независимого политического бытия нужны прежде всего опреде-

ленные экономические данные. И если их нет на лицо, политическая самостоятельность становится фикцией. Что ставя так вопрос, мы твердо стоим на почве фактов, показывает следующее замечание Отто Бауэра. Он утверждает, что «высота национального развития, которого достигли отдельные национальности в Австрии, не имевшие истории, соответствует высоте их экономического развития. В то время как в 1900 г. в Чехии лишь 43,1% населения занимались сельским хозяйством и лесным делом, из числа словенцев ими занимались 75,4%, сербо-кроатов 86,9%, румынов 90,3%, наконец, русин даже 93,3%. Сравнивая эти цифры с высотою национального культурного развития отдельных народностей, мы найдем поразительный параллелизм. Чем меньший процент населения той или другой национальности занимается сельским хозяйством и лесоводством, чем больше она, следовательно, захвачена процессом индустриализации и вовлечена в процесс капиталистического развития, тем выше достигнутая ею ступень национального развития; пробуждение лишенных истории национальностей является одною из бесчисленных форм проявления процесса капиталистического развития»[31]).

Как показывают эти цифры Бауэра, одни из национальностей Австро-Венгрии в момент своего политического освобождения находились на ступени капиталистического хозяйства, другие — на ступени городского хозяйства, третьи — в начале пути от домашнего хозяйства к городскому. Если экономический момент играл большую роль в деле пробуждения национальностей, то еще большую роль играет он в деле их государственного строительства и бытия. Некоторые из молодых государств, например, Чехия и Польша, обладали политической самостоятельностью в недавнем прошлом, экономическое их развитие стоит очень высоко, их культура носит вполне европейский характер. В до-революционное время промышленность Польши имела в своем распоряжении рынок всей России. В результате, она достигла такой высоты развития, при которой свой польский рынок, в пределах этнографической Польши, оказался для нее совершенно недостаточным. Отсюда — присоединение к Польше восточной Галиции, части Украины и Белоруссии. Отсюда же мечты ее о присоединении новых территорий от моря до моря. Так экономический момент превращает стремление национальности к политическому самоопределению в этнических границах в стремление к присоединению территорий, населенных другими, менее развитыми в экономическом отношении народностями. Ведь жить и бороться за свое национальное бытие им приходится в капита-

[31]) O. Bauer, l. c., S.S. 238—9.

листическом окружении, имея под боком капиталистические страны Европы, страдающие от переиндустриализации и ведущие ожесточенную борьбу за рынки, которые могли бы взять их фабрикаты и дать им хлеб и сырье. Когда ссорятся Сербия с Болгарией, всегда смеется и потирает руки кто-то третий, — на берегах Темзы, Шпрее, Дуная или Тибра. Американец Вандерлип в своей книге о будущем Европы упоминает о замечании, сделанном ему в Константинополе одною турецкою студенткою. Эта молодая женщина высказала убеждение, что государственные люди союзных держав использовали благородную идею политического самоопределения народов, как оружие для раздробления старых государств и эксплоатации расовых противоречий в собственных интересах; этим они достигли того, что на юго-востоке не осталось ни одного государства, военные силы которого имели бы какое-либо значение в случае войны[35]).

П. Н. Милюков в своей книге по национальному вопросу рассказывает, что «особенно ярко выделяется роль британской интеллигенции в подготовке решений национальных вопросов на мирном конгрессе. Этим вопросам был специально посвящен еженедельник The «New Europa» 1917—1919 гг. (XIV томов)»[36]). Когда английская интеллигенция проявляла так много внимания к национальным вопросам востока и юга-востока Европы, у нее даже ирландский вопрос еще не был разрешен. Не может быть сомнений в том, что за ее спиною стояли политические и экономические интересы Великобритании. Идея национального самоопределения была для англичан идеею для экспорта, а не для внутреннего употребления. Освободившись от политической зависимости, молодые национальности легко могут попасть в экономическую зависимость, не менее тяжкую. Беда их в том, что их политическое бытие, благодаря их экономической отсталости, лишено экономического фундамента.

Особенно тяжело положение национальностей, находящихся еще только на пути к городскому хозяйству. В до-капиталистической Европе они, опираясь на клиентуру окружного сельского населения, могли сравнительно легко одержать победу над первоначальным инонациональным населением городов и сделать города центрами национальной жизни. Но теперь, в век железных дорог и банкового кредита, это ино-национальное население находит сильную поддержку в капиталистических центрах хозяйственной жизни. Связь с фабриками, оптовыми торговцами и банками чрезвычайно усиливает

---

[35]) Frank A. Wanderlip, Was aus Europa werden soll, 1922, S. 230.

[36]) П. Милюков, Национальный вопрос, 1925, стр. 103.

их позицию к невыгоде национальных выходцев из деревень, никому не известных и не имеющих ни торговых связей, ни кредита. Поэтому, у более слабых национальностей мы должны ожидать не уменьшения, а увеличения инонационального населения городов. Но и для тех национальностей, которые уже достигли ступени городского хозяйства, дальнейшее экономическое развитие в современном капиталистическом окружении чрезвычайно затруднено. При той переиндустриализации, от которой страдают все промышленные нации, создание новых национальных промышленных центров в Европе встретит ожесточенное сопротивление со стороны старых капиталистических стран. А так как отсталые национальности могут создавать свою промышленность только за счет притока иностранных капиталов, то отказы в кредитах делают невозможным индустриализацию их народных хозяйств. Таковы главные экономические затруднения, с которыми приходится считаться молодым национальностям, пробуждающимся к политической жизни в то время, когда весь мир разделен на колонии великих капиталистических держав. Нельзя предвидеть, что ждет в будущем эти государства.

Им предстоит пройти весь путь капиталистического развития в международной обстановке, в высшей степени неблагоприятной для развития национальной промышленности. Поэтому, на всем этом секторе после-военной Европы совершенно неизбежны внутрение перевороты и международные конфликты. Национальные вопросы в этой части Европы не только не решены окончательно, но, напротив, лишь теперь начнется на ней самая ожесточенная борьба национальностей за существование. Чтобы существовать, нужно быть сильным. А сила есть прежде всего экономическая категория. В образовании на востоке и юге-востоке Европы архипелага мелких национальных государств мы имеем дело с политическим экспериментом, не имеющим исторических прецедентов. Мы боимся, что те из этих национальностей, в которых не только нет капиталистической промышленности, но и городская жизнь развита слабо, причем в городах живут преимущественно лица других национальностей, вряд ли могут расчитывать на сохранение своей политической независимости.

III.

К русской национальной проблеме можно подходить с разных сторон. Особый подход был у Вл. Соловьева, сказавшего о русском народе: «под русской народностью я разумею не этнографическую только единицу с ее натуральными особенностями и материальными интересами, а такой народ, ко-

торый чувствует, что выше всех особенностей и интересов есть общее вселенское дело Божие, — народ, готовый посвятить себя этому делу, народ теократический по призванию и по обязанности»[37]). Совсем с другой стороны подошел к вопросу В. И. Ламанский, по мнению которого «при справедливо ожидаемом в будущем экономическом и культурном росте России, никакие силы в мире не могут помешать широкому, в ближайшие 50—100 лет, распространению русского литературного языка вне пределов России, так что если не к концу первого, то несомненно к концу второго полувека он станет мало-по-малу общим органом разумения во взаимных сношениях различных Австро-Венгерских народностей между собою... К тому же русским языком в России будет говорить в то время свыше 200, 300 миллионов людей.. Знанию русского языка предстоит еще самое широкое распространение в Европе, в Азии, в Америке, между Германцами, Романцами и Славянами, а затем и в остальном мире»[38]). Нам чужды романтические грезы о «святой Руси», народе-богоносце, Москве — третьем Риме, панславизме или мировой революции. К мессианизмам всех цветов мы более чем равнодушны. Нас интересуют только земные прозаические вещи, и прежде всего — экономическая сторона дела.

В этом отношении положение русской национальной проблемы в высшей степени неблагоприятно. До начала мировой войны мы занимали среди народов Европы последнее место по высоте нашего народного дохода. В 1913 году на душу приходилось годового дохода:

В Соединенных Штатах С. А	299,0	долл.
,, Соединенном Королевстве	205,9	,,
,, Франции	155,3	,,
,, Германии	134,9	,,
,, России	56,8	,,

Потом нас разорили мировая война, гражданская война, хозяйничанье коммунистов. Мы с большим трудом восстановляем свои разрушенные производительные силы, и не можем пока думать о том, что нужно догонять ушедшие вперед культурные народы. Но от высоты народного дохода зависит не только политическая независимость и внешняя сила государства, но и благосостояние его граждан и уровень их материальной и духовной культуры. Кризис, переживаемый Европой от потери рынков и переиндустриализации ее народного хозяйства, еще более ухудшает наше положение. Капиталов у нас нет, и в Европе их получить нельзя; их может дать только Америка.

[37]) Сочинения. Т. V, стр. 68.
[38]) Живая Старина, 1894, стр. 32—33.

Положительные данные, которыми мы располагаем и которые до сих пор нас спасали, заключаются в 100-миллионном трудоспособном народе и огромной территории, богатой и ископаемыми, и лесами, и хлебом. Но территория эта лишена путей сообщения, так что ископаемые и лесные богатства эти являются пока в большей своей части неприступными, а экономический уровень развития народа очень низок. Мы имеем миллионы кочевых скотоводов; еще больше земледельцев, стоящих на ступени домашнего хозяйства и не знающих города. Что касается крупной капиталистической промышленности, то она лишь перед началом мировой войны окончательно укрепилась в стране, когда национальное накопление достигло миллиарда рублей в год, — величины, позволявшей развивать далее производительные силы страны, главным образом, за счет национальных капиталов.

Экономическая политика России в XIX в. была в высшей степени ошибочной и глубоко вредной для национальных интересов страны. Самодержавное правительство совершенно не понимало, что войны и приобретение новых территорий на западной границе, населенных народностями, стоящими в экономическом и культурном отношении выше русских, грозят тяжкими бедами в будущем. Проблема экономического и культурного развития России его заботила мало. На уничтожение крепостного права оно пошло очень поздно, после проигранной Крымской кампании. Но условий для здорового развития крестьянского хозяйства так и не было создано вплоть до революции 1917 года. Страна нуждалась в капиталах; однако, политический режим и экономические права, признававшиеся за населением, были таковы, что иностранный капитал предпочитал итти в колонии, в которых англичане, голландцы, французы и немцы установили европейские порядки управления и европейские законы. Железные дороги проводились более по стратегическим соображениям, чем экономическим. В результате, города и фабричная промышленность развивалась в стране крайне медленно. Мы воспитали на русском рынке лодзинскую и варшавскую промышленность, причем поляки прекрасно понимали всю выгоду для них этой ошибочной политики русского правительства. Как рассказывает Л. Кряживицкий, лозунг индустриализации «очень рано проник в среду польского мыслящего общества. Князь Любецкий, один из выдающихся государственных деятелей Царства Польского в первый период его существования (после Венского Конгресса), уже в 20-х годах XIX ст. высказал мысль, что Польша прежде всего нуждается в просвещении, а затем в благосостоянии и богатстве, т. е. в промышленности и торговле. Вся его деятельность были направлена к достижению этой второй задачи. Поднять,

развить и усовершенствовать польскую промышленность путем уничтожения таможенной границы между Царством Польским и Россией, открыть ей русские и даже азиатские рынки — таков был предмет постоянных забот Любецкого. Несмотря на существование таможенной границы между Царством Польским и Империей, в Польше начинают развиваться очаги фабричной промышленности — Лодзь, Згерж, Томашов, Пабьяницы, — и постепенно, в особенности в 1850—1860 гг., налагают совершенно новую печать на жизнь польского общества. Идеи Любецкого проводит в жизнь Польский Банк, который, начиная с 1828 года, энергично работает над развитием промышленности, причем работает с полным сознанием своих целей, считая свою деятельность национальным делом. При его содействии возникают новые центры промышленности — Жирардов, Езерна, Цехоцинок, — развивается металлургическая и горная промышленность в Домбровском районе, строятся шоссейные и водные сообщения и т. д.»[39]).

У нас, в России, в течение всего XIX в. государственных деятелей подобных кн. Любецкому не было. Присоединив зачем-то Финляндию, мы дали финнам в пределах Империи полные права гражданства; русские же в Фанляндии не имели никаких прав и рассматривались, как иностранцы. Присоединив 5 украинских губерний, мы предоставили украинцам заселять сплошною массою значительную часть новороссийских губ. и другие губернии на восток и юго-восток от Киева и Полтавы, отделить которые от России теперь хотят украинские самостийники. Принявшись за создание собственной промышленности, мы почему-то затратили колоссальные деньги на создание крупной промышленности в Петербурге. И лишь в самом конце XIX в. мы получили в лице С. Ю. Витте крупного государственного деятеля, понимавшего экономические нужды России.

При такой отсталости нашей промышленности, основною нашею национальною задачею является сохранение политической самостоятельности России и развитие ее промышленности, как основы ее национальной независимости. В настоящее время напряжение национальной борьбы между великими державами настолько велико, что лишь страны, обладающие развитою капиталистическою промышленностью, могут расчитывать на политическую самостоятельность. Страны земледельческие, стоящие на ступени домашнего или городского хозяйства, слишком бедны для борьбы с промышленными странами. Они обречены на положение колоний или зависимых государств. Поэтому, наше национальное будущее зависит прежде

[39]) Формы национального движения, стр. 338.

всего от развития нашей промышленности. Социально-экономическим фундаментом ее является развитие денежных элементов в крестьянском хозяйстве, начавшееся с 1890-х гг., и выделение из русского крестьянства многочисленного промышленного пролетариата, с охотою идущего на фабрики и в рудники. Пока этот фундамент существует, нам не может грозить опасность превращения в колонию европейских государств. Тем не менее, самооборона от агрессивных действий наших западных соседей и одного из восточных является основным содержанием наших национальных задач в течение ближайшего десятилетия. Что же касается национальных движений отдельных народностей России, то они занимают в нашей национальной проблеме подчиненную роль.

С точки зрения основной нашей национальной проблемы сохранения политической независимости России и развития ее промышленности, нас интересуют не столько политические движения национальностей, сколько достигнутый ими уровень экономического развития и их социально-классовый состав.

Много чрезвычайно ценных данных о хозяйстве крестьян разных национальностей заключается в земских подворных переписях по некоторым уездам. К сожалению, в заграничных библиотеках земские издания встречаются редко и в малом количестве; я разыскал только «Сборник статистических сведений по Петровскому у., Саратовской губ., по данным исследования 1894 г.», вып. I, Саратов, 1897 г. В этом сборнике данные о крестьянских хозяйствах сгруппированы, помимо других признаков, также по признаку национальности. В результате оказалось возможным получить характеристику среднего хозяйства крестьян различных национальностей. Основные данные этой характеристики укладываются в след. табличку:

	Русские	Чуваши	Татары	Мордва
Душ в семье	5,81	6,07	5,96	6,94
Десятин удобной земли во владении	14,2	15,7	12,3	12,6
Посева десятин	7,4	5,9	5,0	7,0
% земли под посевом	52,4	37,3	40,7	54,9
Дес. посева на 1 работника муж. пола	5,3	4,2	3,7	4,4
Коров дойных	1,14	0,94	0,70	0,91

Основным показателем хозяйственной энергии крестьянского двора мы считаем площадь посева, — в абсолютных величинах и относительных; затем, количество дойных коров. Таблица показывает, что наиболее сильным является хозяйство русских, сеющих 7,4 дес. на двор, что составляет 52,4% удобной земли и 5,3 дес. на работника мужского пола; высоко стоит также хозяйство мордвы. Напротив, хозяйство чуваш и особенно татар свидетельствует о слабой хозяйственной энергии этих национальностей.

Основным источником сведений об уровне экономического развития различных национальностей и их социально-классовом составе является всероссийская перепись населения 1897 г.

Группируя национальности по основному способу добывания средств к жизни, им свойственному, мы найдем, что в конце XIX в. всего жило:

рыболовством и охотой	35.000 чел.
кочевым скотоводством	4.630.000 ,,
земледелием	6.433.000 ,,
земледелием и город. промыслами ..	114.542.000 ,,
Всего..	125.640.000 чел.

Рыболовством и охотою живут остатки палеазиатских или гиперборейских племен на северо-востоке Сибири, а также остяки, принадлежащие к финскому племени. Кочевым скотоводством занимаются главным образом киргиз-кайсаки, калмыки и якуты, принадлежащие к турецко-татарским и монголо-бурятским племенам, некоторые другие народности этих двух групп, некоторые народности палеазиатской группы (чукчи, коряки), самоеды и лопари (финского племени). К земледельцам нами отнесены чистые земледельцы, совершенно не знающие городской жизни, и племена, только начинающие знакомиться с нею, так что в городах живет не более 2% племени. В эту группу вошли многие племена кавказских горцев, финнов, турецко-татарской и монголо-бурятской групп.

Особый интерес для нас представляют данные о хозяйственном строении тех национальностей России, которые играют доминирующую роль в ее национальной жизни:

	Русские	Украинцы	Белоруссы
Всего душ	55.667.469	22.380.551	5.885.547
Живет в городах	8.825.733	1.256.387	171.383
Занято торговлей	1.714.206	192.330	16.508
Занято промышленностью	6.393.439	1.097.630	165.352

	Евреи[40])	Татары	Армяне	Груз.[41])
Всего душ	3.795.962	3.737.627	1.173.096	1.352.535
Живет в городах	1.738.824	417.727	272.801	127.317
Занято торговлей	1.363.000[42])	154.615	87.150	34.589
Занято промышленностью	1.219.000[42])	168.029	116.130	55.200

В процентах

	Русские	Украинцы	Белоруссы	Евреи	Татары	Армяне	Грузины
Всего душ	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Живет в городах	15,9	5,6	2,9	45,8	11,2	23,3	9,4
Занято торговлей	3,1	0,9	0,3	35 9[42])	4,1	7,4	2,6
Занято промышл.	11,5	4,9	2,8	32,1[42])	4,5	9,9	4,1

[40]) Без Царства Польского.

[41]) Под грузинами здесь понимаются все 11 картвельских народностей. Мы не знаем, существуют ли у них сепаратистские течения, и насколько они сильны. Мы берем их, как одно целое.

[42]) Цифры приблизительные.

Табличка эта показывает прежде всего, что и эти избранные 7 национальностей стоят на совершенно различных ступенях хозяйственного развития. Впереди идут русские с довольно высоким % городского населения и большим % лиц, занятых в промышленности. Не надобно забывать, что в переписи 1897 г. масса кустарей показана занимающимися земледелием, к земледельческому же населению отнесены семьи фабричных рабочих, живущие обычно на земле. Затем идут евреи с очень большим процентом торговцев и ремесленников, и армяне с значительным их процентом. Третью группу составляют татары и грузины, с большим % городского населения, но слабым участием в торговле и промышленности. В четвертую группу входят малороссы или украинцы и белоруссы, с очень слабым развитием городской жизни, особенно у последних.

Быть может, полезным дополнением к этой таблице может служить другая табличка, характеризующая строение четырех наиболее интересующих нас национальностей в центрах их наибольшего территориального скопления:

	9 русск. губ.	9 украин. г.	3 белор. г.	2 груз. губ.
Все население	14.053.551	23.430.407	5.323.631	2.109.273
в том числе:				
основн. национ.	13.816.269	17.005.688	3.811.472	1.336.397
русские	—	2.767.952	340.155	98.355
Городск. население	2.278.488	3.085.341	588.051	322.312
в том числе:				
основн. национ.	2.190.577	936.537	99.555	118.665
русские	—	1.050.018	110.724	62.445
евреи (или арм.)	—	830.459	321.840	88.863[43])
		В процентах		
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе:				
основн. национ ..	98,3	72,6	71,6	63,4
русские	—	11,8	6,4	4,7
Городское население.	16,2	13,2	11,0	15,3
в том числе:				
основн. национ. ..	15,6	4,0	1,9	5,6
русские	—	4,5	2,1	3,0
евреи (или арм.)..	—	3,5	6,0	4,2[43])

Таблица эта в некоторых отношениях дополняет предыдущую. Она показывает, что наиболее мощным центром национального скопления, по своей национальной однородности, является русский центр; на Украине и Белоруссии господствующая национальность составляет лишь около 72% всего населе-

[43]) Армяне.

ния. Затем, очень характерен ничтожный процент украинцев и белоруссов, живущих в городах Украины и Белоруссии. Цифры по Грузии носят аналогичный характер.

Данные 1897 г. в настоящее время значительно устарели. Но для крупных изменений в экономическом составе населения нужны очень большие периоды времени. Поэтому, данные 1897 г. продолжают сохранять показательное значение и для настоящего времени. Более поздние данные для 1920 г. мы имеем только по Украине:

	Абсолютные данные		В процентах	
	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.
Все население	23.430.407	22.082.428	100,0	100,0
в том числе:				
украинцы	17.005.688	16.585.948	72,6	75,1
русские	2.767.952	2.607.978	11,8	11,8
Городское население	3.085.341	4.215.922	13,2	19,1
в том числе:				
украинцы	936.537	1.355.588	4,0	6,1
русские	1.050.018	1.406.726	4,5	6,4
евреи	830.459	1.225.579	3,5	5,6

Мы не уверены, что эти данные относятся к одной и той же территории и что городским населением в обоих случаях считалось одно и то же население. Тем не менее, % величины в этой таблице могут быть сравниваемы. При уменьшении населения на 5,8%, число украинцев уменьшилось меньше, чем других национальностей, и они в 1920 г. составляли уже 75,1% населения. Городское население сильно увеличилось, но национальное строение его почти не изменилось.

К сожалению, в нашем распоряжении очень мало конкретных данных, которыми мы могли бы оживить эти сухие цифры. Некоторыми материалами, однако, мы располагаем. На XII съезде коммунистической партии Сталин докладывал по национальному вопросу: «Беда в том, что некоторые национальности не имеют своих пролетариев, промышленного развития не прошли, даже не начинали, в культурном отношении страшно отстали и совершенно не в силах использовать те права, которые им предоставлены революцией... Необходимо добиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности. Некоторые попытки в этом направлении сделаны: Грузия взяла одну фабрику из Москвы, и она, должно быть, в скором времени заработает. Бухара взяла одну фабрику, а могла взять 4 фабрики. Туркестан берет одну большую фабрику, и, таким образом, есть все данные, что эти республики, в хозяйственном отношении отставшие и не имеющие пролетариата,

должны с помощью русского пролетариата основать у себя очаги промышленности, хотя бы маленькие очажки, с тем, чтобы в этих очажках были группы пролетариев местных»[44]). Но г. Сталин ошибается, если думает, что достаточно построить в Грузии или Бухаре фабрику, чтобы появился грузинский или бухарский пролетариат. За примерами ходить не далеко: на рудниках Донецкого бассейна в числе рабочих % украинцев самый ничтожный. Поэтому, как рассказал Ларин на II сессии ЦИК СССР в апреле 1926 г., при проведении принудительной украинизации в Донецком бассейне произошел след. случай: «В Донбассе при подсчете населения для определения того, на каком языке должен быть совет, не принято во внимание население, проживающее в рудничных районах. Вы подумайте, восклицает г. Ларин, 600.000 рабочих Донбасса отнесены к графе «прочие», которая не принята во внимание[45]).

Да, если у той или другой национальности нет городского населения или промышленного пролетариата, никакими «революционными методами» эти недостатки хозяйственного развития не возместишь. Экономический рост нации идет иными путями.

Другой коммунист, Н. Попов, отмечает, что после отделения от России западной полосы «в пределах нашего Советского Союза остались, главным образом, народности по общему правилу и в экономическом, и в политическом и в культурном отношении более отсталые, чем господствовавшая великорусская... Если мы обратимся к социальному составу этих национальностей и если мы этот социальный состав будем анализировать, — к какому заключению мы придем? Мы придем прежде всего к тому заключению, что пролетариат среди этих национальностей очень слабо представлен, что главной частью их является крестьянство, в значительно меньшей степени мелкая буржуазия городская, и выделяющаяся, как из крестьянства в особенности, так и из мелкой буржуазии, интеллигенция... Масса национальностей, с которыми там приходится иметь дело в нашей внутренней национальной политике, есть масса крестьянская по преимуществу, и вопрос национальный у нашей партии в настоящее время является теснейшим образом связанным с вопросом об отношении рабочего класса к крестьянству.

[44]) XII съезд российской коммунистической партии, 1923, стр. 445—6. Еще ниже стоит уровень хозяйственного развития горных племен на Сев. Кавказе. Они стоят большею частью на ступени полу-феодального и полупатриархального быта и хозяйства. Так, напр., «чеченцы в своей истории не знают даже феодализма, там никогда князей не было, там господствует еще родовой быт, который только начинает распадаться». (Умар Алиев, Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае, Ростов на Дону 1926, стр. 7).

[45]) Известия центр. исполн. комитета, 17. IV. 1926.

Только это не вопрос отношения рабочего класса к крестьянству вообще, а вопрос об отношении рабочего класса, в значительном своем большинстве великорусского, к крестьянству, говорящему на других языках». «Эти общие черты прежде всего применимы к Украине и Белоруссии. В своем огромном большинстве обе эти нации — крестьянские, имеющие очень мало городской буржуазии и очень мало пролетариата. Например, на территории Украины пролетариат, хотя в большинстве украинского происхождения[46]), но подвергшийся руссификации и пользующийся в своем большинстве русским языком. А что касается территории Белоруссии, которая лишена крупной промышленности, там пролетариат мелкой промышленности, в большинстве пролетариат еврейский, польский, русский и в очень малой степени белорусский»[47]).

Из приведенных выше данных о высоте экономического развития отдельных национальностей следует, что в предстоящем нам процессе ускоренного развития наших производительных сил наиболее активную роль должны играть русские, евреи и армяне, отчасти татары. Что касается украинцев и белоруссов, то их экономическая отсталость будет скорее тормозить развитие нашего народного хозяйства, особенно при наблюдающемся среди них развитии сепаратистских стремлений.

Глубокая разница в экономическом строении различных национальностей в России делает понятным, почему мы находим у русских иную форму национальной идеологии и патриотизма, чем у украинцев и белоруссов. Их различие объясняется различием экономических ступеней развития, на которых стоят

---

[46]) Это неверно. Мы располагаем данными материалов украинских профессиональных союзов на 1 мая 1924 г. о числе рабочих украинского происхождения и говорящих по украински (А. Хвыля, Национальный вопрос на Украине, Харьков 1926, стр. 35—36), которые приводят нас к иному выводу. Недостатком наших данных является то, что в них по каждой профессии приведено не число рабочих, а процентное отношение. Поэтому, мы вынуждены ограничиться вычислением арифметически-среднего процента по всем профессиям, участвующим в материальном производстве:

украинского происхождения . . .	43,0%
говорят по украински	21,9%

Многие рабочие отвечали на анкету, что они «если и украинцы по происхождению, то не знают языка»... Вообще, несмотря на все гонения, русский язык пользуется на Украине большою популярностью даже среди самих гонителей. Так, глава Украинского Правительства Петровский признался, что «даже пленум ВУЦК (т. е. советских украинских депутатов) и заседания Совета народных комиссаров также происходят на русском языке. Надо признаться: начинаем иногда по украински, но кончаем русским языком». («Известия», 18. IV. 1926).

[47]) Н. Попов, Национальная политика советской власти, Москва, 1924, стр. 102—3, 118.

эти национальности. Для нашего будущего экономического развития единство гражданского и уголовного кодексов и государственного языка не менее важно, чем отсутствие внутренних таможен, правовой порядок и железные дороги. Мы имеем здесь в виду тот язык, на котором ведется работа в деловом мире, на фабрике и в конторе, язык, с помощью которого работают рабочий, бухгалтер, инженер. Национально-максималистское требование разделения народно-хозяйственного целого на ряд территорий с различными языками лишает всех их свободы передвижения и обрекает страну на экономический застой и распад. Жители Закавказья вероятно помнят еще, что русский язык был в нем необходимым орудием экономической, административной и культурной жизни, без которого, по признанию самих местных жителей, прямо-таки нельзя было обойтись. Поэтому, нам государственный язык не менее нужен, чем Англии, Франции, Германии, Соед. Штатам С. А. В этом вопросе для нас никаких отступлений и компромиссов быть не может. Лучше в крайнем случае небольшая хирургическая операция в настоящее время, чем постоянные недомогания и слабость в будущем.

Этот вопрос требует к себе самого серьезного отношения. Русская демократия была до сих пор очень наивна в национальном вопросе. Но опыт с Польшей научил нас многому. Русская интеллигенция при царском режиме определенно требовала самоопределения Польши в этнических границах. Но как только Польша получила политическую свободу, она тотчас захватила не-польские области на юге и востоке, и в ней появились стремления, под влиянием нужды в рынках, расшириться от моря до моря. Из этого опыта мы должны сделать определенные выводы. Опыт с Украиной еще более подтверждает эти выводы. Принудительная украинизация на Украине проводится мерами, грубо нарушающими интересы русского населения и в высшей степени пагубными для нашего экономического будущего. Таково, например, постановление от 30 апр. 1925 г. ВУЦИК и СНК УССР «о мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата». Одни этими мерами хотят создать «Великую единую Украину от Карпат до Кавказских гор». Эта формула близко напоминает польское «от моря до моря». Другие хотят ими возместить исторический ущерб, нанесенный украинской национальности в прошлом. Проф. Грушевский выдвинул в высшей степени замечательную теорию возмещения этих исторических проторей и убытков. Он утверждает, что «если даже освобождение украинства от преследований и гонений перестанет, наконец, быть пустым звуком, то это отнюдь не будет еще само по себе разрешением украинского вопроса. Этот вопрос в действительности заключается в том: что должно сделать правительство России, ее правящие и руководящие круги,

чтобы по возможности изгладить страшный вред, нанесенный украинскому народу политикою подавления и искоренения, применявшеюся к нему впродолжение столетий в интересах этого государства, государственной народности, «общерусской» культуры и других фетишей?.. Простое снятие запрещений отнюдь не решает этого вопроса, и считать дело покончeнным простым прекращением гонений на украинство было бы крайним лицемерием, отъявленным фарисейством со стороны представителей государственной народности, интересам которой приносились в жертву так долго интересы, нужды и потребности народности украинской»[48]).

Это оригинальное требование очень характерно для умонастроений и приемов вождей украинского сепаратизма. Мы, русские, так настойчиво в течение столетий «искореняли» украинцев, что число их в современной России достигло 30 миллионов. Мы помогли им расселиться в новороссийских степях, на северном Кавказѣ, нами завоеванных и нами защищавшихся. Какую выгоду имели мы, русские, от той «политики подавления», которую самодержавие одинаково применяло и к украинцам, и к русским? Без русского государства, ненависть к которому г. Грушевский желал бы поселить в малорусском народе, исторические судьбы его были бы очень печальны. Не мало также даров получил украинский народ и от общерусской культуры, столь презираемой г. Грушевским. Более уравновешенные чем он самостийники понимают, какое огромное значение эта духовная культура имела даже для развития национального самосознания украинской интеллигенции. Впрочем, максималисты типа г. Грушевского всегда склонны выплеснуть из ванны вместе с водою и ребенка... История пользуется такими людьми лишь для процессов разрушения, и никогда — для созидания.

Вожди украинского сепаратистского движения, подобные Грушевскому, хотят сделать чувства зависти, злобы и мести его эмоциональною основою.

По развитым выше хозяйственным соображениям мы должны определенно признать, что лучше государство меньших размеров, но с единым государственным языком, чем многоязычная федерация с неизбежным ее распадом в недалеком будущем. Мы вовсе не хотим предрешать этим централистическую форму организации этого национального государства. Возможно, что наряду с широким местным самоуправлением и полною свободою пользования местными языками, демократическая Россия изберет федеративную форму государственного

[48]) М. Грушевский, Освобождение России и украинский вопрос, 1907, стр. 40—41.

устройства, по примеру Соединенных Штатов С. А. Но для борьбы за свое бытие и развитие, которая с каждым годом становится все острее и ожесточеннее, народам федеративной России единый язык на всей территории государства будет еще нужнее, чем американцам.

Иначе ставят национальный вопрос представители самостийных течений среди украинцев и белоруссов. Принадлежа к отсталым этническим национальностям, не имеющим собственной капиталистической промышленности и с слабо развитою городскою жизнью (у украинцев в городах живет, как мы показали выше, 5,6% населения, у белоруссов 2,9%), они совсем по иному понимают свои национальные задачи. Они, повидимому, совершенно неотдают себе отчета в сущности той национальной борьбы, которая сейчас охватывает не только Европу, но и весь земной шар, и о которой так красноречиво говорила турецкая студентка американцу Вандерлипу, они слепы к процессам, развертывающимся на мировой арене, и от хода и исхода которых в конце концов зависит и их национальное будущее. Все их внимание обращено на совершенно второстепенные вещи. Сепаратисты отвергают тот путь, которым шло до сих пор развитие украинского и белорусского народов: в тесном слиянии с русским народом. Они жаждут политической самостоятельности. При этом они систематически замалчивают неизбежные последствия этого отделения от России. Непосредственным результатом его было бы установление экономической зависимости от Польши или Германии[49]), которые дали бы Украине и Белоруссии городское население своей национальности и приняли бы все меры для предупреждения развития их национальной промышленности. Создание нами Донецкой каменноугольной промышленностти и южнорусских металлургических заводов наглядно показывает, что мы, русские, совершенно не имели намерений искусственно задерживать экономическое развитие Украины. Не наша вина, если сами украинцы питают нелюбовь к городской жизни и фабричному труду. Кроме того, политическим лидерам сепаратистов не следовало бы забывать о том экономическом значении, которое имеют для борьбы с аграрным перенаселением на Украине вольные земли на востоке и юго-востоке России. Наконец, им следовало бы учесть также значение географически-территориального момента, для них совершенно фатального. Форма расселения украинской национальности узкою лентою на южной границе поселений польского и русского на-

[49]) С планами Германии на счет Украины можно познакомиться по февральской тетради «Süddeutsche Monatshefte» за 1924 г., выпущенной под красноречивым заголовком: «Украина и будущее Германии».

рода от западных склонов Карпат до северных склонов Кавказа делает политически невозможным выделение этой окраинной ленты в самостоятельное политическое целое. Такие государственные границы защищать нельзя. Кроме того, русский народ не может быть лишен берегов Черного моря без того, чтобы благодаря этому не пострадали его самые жизненные интересы.

Одним из самых действительных средств определения широты и глубины сепаратистских течений на территориях Украины и Белоруссии был бы плебисцит. В 1920 г. украинские сепаратисты мечтали о Великой Украине, от Карпат до Кавказских гор, включающей не только 5 коренных украинских губерний, но и Харьковскую губ., новороссийские губ. — Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую, вместе с Крымом, половину Курской и Воронежской губ., западную часть обл. Войска Донского, Кубанскую обл., Черноморскую губ. и половину Ставропольской губ. На этой территории, по данным переписи 1897 г., жило примерно 30 мил. человек, из них украинцев 20 мил. человек. Все порты Черного моря при этом, начиная с румынской границы и кончая Сочами, оказывались принадлежащими Украине[50]). Мы не думаем, чтобы русское население Одессы и Николаева, Крыма, Донецкого бассейна, казачьих областей и Черноморской губ. когда-либо примирилось с отделением от России. Вряд ли примирится с ним и население городов Украины, прежде всего Киева и Харькова, в своем большинстве говорящее по русски. Что касается сельского населения, то проникновение рыночных элементов в хозяйство украинского крестьянина давно уже научило его ценить русский язык, как средство общения с миром, лежащим за околицей его села. Есть основания думать, что крестьяне-малороссы гораздо правильнее оценивают культурное и экономическое значение русского языка, чем украинцы-сепаратисты. Мы не должны забывать, что близость русского языка к малорусскому и белорусскому настолько велика, что он без особого труда усваивается и малороссами, и белоруссами. У нас этот вопрос безнадежно запутан тенденциозными отрицаниями самостийников. Но ученые лингвисты в нем превосходно разбираются. Вот напр. отзыв А. Мелье[51]):

«Белорусский язык на северо-западе и малорусский (русинский, украинский) на юго-западе, хотя и отличаются от великорусского языка во многих отношениях, все же настолько близки к нему, что белоруссы и малороссы легко усваивают ве-

[50]) L'importance économique de l'Ukraine, Bruxelles, 1920; Le problème de l'Europe orientale, par un journaliste ukrainien, La Haye, (без обозначения года; повидимому, тоже 1920 г.).

[51]) A. Meillet, Les langues dans l'Europe Nouvelle, Paris, 1928, p. 256—258.

ликорусский язык; различия между великорусским языком и белорусским или малорусским наречием гораздо менее значительны, чем между французским и провансальским, итальянским и миланским или сицилийским, верхне-немецким и нижне-немецким. Малоросс не может иметь никакого ущерба от пользования великорусским языком, как общим: общая структура обоих языковых групп одинакова; различия между ними касаются только частностей; великоросс и малоросс из простого народа, говоря на своем родном языке, понимают друг друга с затратою самых минимальных усилий... Малорусские наречия слишком мало отличаются от великорусского языка, чтобы помешать малороссам принять участие в тех выгодах, которые приносит существование общего русского языка».

Не путем политического отделения будут решены украинский и белорусский вопросы. Есть другой путь разрешения национальных конфликтов, — путь, которым шли и идут все великие культурные нации, и по которому должна пойти и Россия, освободившаяся от пут абсолютизма. Путь этот заключается в преодолении нашей экономической, общественной и культурной отсталости, в развитии народного хозяйства и его производительных сил. Как мы видели выше, на ступени городского хозяйства национальные трения всегда очень сильны. С развитием капиталистических отношений национальные антагонизмы смягчаются и уступают в конце концов место национальной солидарности в границах государства. Национальная борьба, в результате этого процесса, выносится за пределы государства, в область международных отношений. Поэтому, с каждой новой железной дорогой, с каждой фабрикой, построенными на Украине и в Белоруссии, мы приближаемся к мирному разрешению украинского и белорусского национальных вопросов неизмеримо больше, чем при раздувании шовинистических тенденций, вредных всем трем родственным национальностям. В основе этих сепаратистских тенденций лежат не экономические интересы самих народностей, а стремления временных политических партий и течений, созданных нездоровою обстановкою самодержавия и великой войны.